

Чу И изо всех сил старался взять себя в руки, сглатывая подступивший к горлу ком, пытаясь подавить то болезненное, тянущее чувство в носу и на переносице.

За этот вечер он уже успел поплакать один раз, и повторять это ему совсем не хотелось.

Стыдобища.

Он уехал так далеко от дома, чтобы учиться, стал таким крутым мужиком, а тут — разреветься дважды за вечер на глазах у другого человека. Просто позор.

Теперь Янь Хан может не только рассказывать всем, что Чу И с его ростом метр сорок достает ему только до пояса, но и добавить, что этот «метр сорок» не умеет вовремя останавливаться, когда ревет.

Сейчас-то он метр семьдесят четыре, год занимался боксом, но тот образ, что он пытался выстроить перед Янь Ханом, рухнул, даже толком не закрепившись.

От горечи в носу глаза невольно заслезились.

— Что такое? — Янь Хан, очевидно, заметил его состояние: он протянул руку, взял с тумбочки бумажную салфетку и вложил ему в ладонь.

— Ты боишься, что я, что я начну тебя искать, — начал Чу И, и слезы тут же покатились по щекам, — тогда зачем ты... даже ничего не сказав, ушел? Сообщения не... не читал, симку поменял! Оставил номер, и какой от него, к черту, толк!

— Даже если бы я захотел, — я захотел тебя найти, — у твоего номера, черт возьми, вечно «абонент вне зоны доступа»! — Чу И в ярости вытер слезы, которые никак не мог остановить.
— Ты что, совсем дурак?!

Янь Хан молчал, просто глядя на него.

Лишь спустя мгновение он негромко произнес:

— Ничего себе, Тугоу, ты уже ругаться научился? Ну надо же, я и не ожидал.

— Мне хотелось, — блин, хотелось! — выпалил Чу И. — Не нравится — терпи.

— Нравится, — Янь Хан взял еще одну салфетку и осторожно промакнул ему лицо. — Сейчас посмотрю, что ты там мне писал.

— Селфи, — всхлипывая, ответил Чу И.

Янь Хан еще не успел открыть Вичат, но, услышав это, невольно улыбнулся.

— Чё лыбишься, — буркнул Чу И. — Селфи с... новой прической.

Янь Хан перестал улыбаться, протянул руку, притянул его за затылок к себе и прижал к своему плечу.

Опять плачет.

Янь Хан мягко похлопал его по спине.

Он помнил, как Чу И заплакал в первый раз: тогда он стоял у порога его дома и рыдал очень искренне, без всякого стеснения.

Сегодняшние слезы явно отличались от первых, в них было меньше детского.

Но для Янь Хана всё оставалось по-прежнему.

Как бы сильно ни изменилась внешность Чу И за год, глядя на то, как он плачет, Янь Хан все так же видел перед собой обиженного Сяо Гоу.

И всё так же чувствовал себя немного растерянным.

Он побывал в стольких местах, повидал столько людей, мог по одному слову или взгляду понять о человеке очень многое, но всегда лишь проходил по чужим жизням, наблюдая со стороны.

Никто и никогда не плакал при нем.

Горячие слезы, тихое всхлипывание прямо у уха — между ними больше не было дистанции.

Он даже чувствовал, как внутри у самого всё дрожит от эмоций Чу И, но не знал, что делать.

За всю жизнь единственным человеком, от которого он чувствовал настоящую отдачу, был папа.

То, что папа делал для него, помогало справляться с любыми тревогами.

А Чу И стал вторым.

Неуклюжий, упрямый, но настоящий.

Янь Хан не знал, как на это ответить, он даже не знал, как правильно попрощаться.

Он слишком много думал: его страхи, его тревоги, его смятение — всё это он не мог выразить словами.

А Чу И не думал ни о чем таком.

Просто, как он сам и сказал.

Даже если бы он оставил старый номер, если бы хранил подарки Чу И, даже ту самую порванную красную нить, даже если бы подбирал красивые камушки, когда видел их...

Что толку? Если бы Чу И не нашел его, не задумываясь ни о чем, он бы никогда об этом не узнал.

Но прямо сейчас Янь Хан все еще чувствовал себя застигнутым врасплох.

Чу И, вероятно, нужно было дать волю чувствам. Хотя он ничего не сказал, Янь Хан мог представить, через что тот прошел за этот год.

Поэтому сейчас он плакал по-настоящему.

Раньше, будучи на людях, он едва начинал и тут же сдерживался.

А теперь, когда они были вдвоем, Чу И словно открутил вентиль.

Всё, что касалось их, и всё, что было ни при чем — все накопленные обиды и горечь хлынули наружу.

Янь Хан чувствовал, как ткань его рубашки на плече постепенно намокает от слез, как тепло Чу И просачивается сквозь нее, оставляя ощущение легкой прохлады.

Голос Чу И, сорвавшийся на плач, звучал так жалобно, что сердце сжималось.

— Я посмотрел фотографии, — негромко сказал Янь Хан, поглаживая его по спине. — Хочешь посмотреть вместе? Расскажешь мне про свою новую прическу?

— Ты что, умственно отсталый, — сквозь всхлипы выдал Чу И, окончательно позабыв о своем образе «не связывайся со мной», — на прическу смотреть — еще и объяснения нужны?!

— Ладно-ладно, сам посмотрю. — Янь Хан улыбнулся и открыл Вичат.

В его Вичате, кроме Чу И, не было ни одного друга — одни только рассылки от магазинов. Он не открывал приложение целый год, и теперь экран пестрел красными кружочками уведомлений.

Это приложение было чем-то вроде дневника, куда он изредка записывал свои мысли.

А за своими мыслями он не следил уже больше года.

По старой привычке, если какие-то чувства или воспоминания становились слишком тяжелыми, он убирал их в мысленный ящик, пряча глубоко внутри, чтобы разобраться с ними, когда они случайно всплывут.

Увидев единичку напротив контакта Чу И, он представил, сколько там могло быть сообщений, сколько вопросов о том, почему он ушел, ничего не сказав, почему вдруг исчез.

Но тут же подумал, что это невозможно.

Верно, учитывая его закомплексованность и всё то, что стояло между ними, ему уже потребовалось огромное мужество, чтобы отправить ту единственную фотографию.

Однако, открыв переписку, он замер, а затем усмехнулся.

Истории переписки не было — как он мог увидеть фотографии годовой давности?

Внезапно он испытал облегчение: он был на волосок от того, чтобы никогда не узнать, как сильно этот паренек старался его найти.

— Чу И, — Янь Хан поднес телефон к лицу Чу И, — кажется, твое фото с красавчиком устарело.

— Правда? — Чу И повернул голову и, приоткрыв один глаз, мельком взглянул на экран, а затем снова уткнулся ему в плечо.

Затем он разблокировал свой телефон и протянул ему:

— Смотри сам, у меня... у меня все сохранено.

Янь Хан взял его телефон.

На фотографии годовалой давности Чу И был всё тем же маленьким «терпилой» из его воспоминаний, улыбался немного нелепо, но всё же его вполне можно было назвать красавчиком.

Прическа и правда была отличная, куда лучше, чем та, что он сам себе когда-то обкорнал.

Янь Хан вдруг побоялся даже представить: Чу И сходил в парикмахерскую, сделал фото, набрался смелости, чтобы отправить его... и целый год не получал никакого ответа.

Он слегка взъерошил волосы Чу И:

— Можно посмотреть другие фотографии?

— Смотри, — голос Чу И стал тише, но всё еще подрагивал от слез. — Там в альбоме... всё есть.

— Угу. — Выходя из Вичата, Янь Хан заметил, что их диалог закреплен сверху.

Он еще пару раз похлопал его по спине.

В том, что касалось утешения, его способности были практически равны нулю.

Чу И был очень аккуратным ребенком. Вероятно, из-за того, что у него не было своей комнаты, своего безопасного пространства, телефон стал для него настоящим личным миром, за которым он следил особенно бережно.

Фотографии были рассортированы по альбомам.

Один — «Камешек», другой — «Пейзажи», третий — «Случайные кадры»...

Последний альбом назывался «Красавчик».

Янь Хан не сдержал смешка:

— Это тот, что называется «Красавчик»?

— Угу, — отозвался Чу И, и в его голосе не было ни капли смущения.

— Пойду посмотрю на этого красавчика. — Янь Хан улыбнулся и открыл альбом.

Там были одни селфи Чу И, и довольно много, все в хронологическом порядке.

Янь Хан открыл самую первую и стал не спеша листать.

Видимо, тогда Чу И как раз купил новый телефон, постригся и начал свой «путь селфи».

Было видно, что человек он не привыкший к этому: углы подобраны плохо, порой красавчик на фото выходил смешным, но чем дальше, тем умелее он становился.

Сначала на заднем плане были дом или та самая речка возле «дупла», позже стали появляться улицы. Но он по-прежнему следовал своему стилю — даже на бегу старался держаться поближе к стенам. Фотографии были сделаны украдкой, словно он воровал их. Многие были смазаны, на многих он даже не успевал принять выражение лица, а некоторые превратились в невнятное размытое пятно.

— Даже смазанные не удалил? — спросил Янь Хан.

— Даже если смазанные, — это всё равно я, — ответил Чу И.

— Тоже верно. — Янь Хан улыбнулся и взглянул на него: уголки глаз всё еще были влажными, но плакать он перестал. Наверное, глаза покраснели, и теперь он стеснялся оторваться от плеча.

<http://bllate.org/book/18095/1738967>